

Андрей ЧЕРВЕНЯК
(Нитра)

К проблематике романтической аксиологии

On the Problem of Romantic Axiology

The author of the present article deals with the contradiction between Romantic binary oppositions and tri-dimensional world – both of the principles can be found in various products of human thought, i. e. in myth, religious systems etc. The typical binary oppositions created in the era of Romanticism go back to the phenomena of nature fixed by human reason as a manifestation of elementary mechanisms of our world. On the other hand, some archaic roots of human thought point to another, more complex system based on axiological pluralism. The author presents several attempts how to overcome this intrinsic clash of approaches. This contradiction also influences the axiological systems based on noetics. The two-valued logic and the system of binary oppositions need to be substituted by the three-valued or multi-valued logic and axiological pluralism and polyphony.

Возникновение романтизма в атмосфере «Бури и натиска», творчество таких его представителей как Ж. Ж. Руссо, Мадам де Сталь, Ф. Шиллер, В. Гете, Новалис, М. Ю. Лермонтов и теоретиков типа Й. Г. Гердера, Ф. Шеллинга, Ф. Шлегеля, появление романтических произведений и теоретических рефлексий по их поводу имело принципиальное значение для художественного, научного и духовного мышления всего человечества. После средневековья, которое абсолютизировало Веру, и Возрождения, которое на первое место ставило Разум, наступает романтизм, который предлагает две ипостаси

мира и человека, аналогичные двум силам мироздания – силе рождения и смерти, созидания и разрушения, добра и зла, высокого и низкого. Под влиянием этого дуализма все двинулось с веками устоявшихся мест в ту или иную сторону романтических оппозиций. По пути к романтическому «универсализму» двинулись и литература, подчинив диктату бинарных оппозиций целое и все части его художественных структур. Контрасты и противоречия стали путеводной звездой романтизма, антитезы (вера и отчаяние, радость и печаль, холод и жар, жизнь и смерть, ангел и демон) стали универсальными величинами. С этой точки зрения романтизм начал смотреть и на историю искусства и литературы, находя в ней предшественников и творцов романтизма. Романтиком стали считать, например, Шекспира (из-за его «прыжков» от трагического к комическому), Данте (который изобразил Универсум индивидуальным сознанием). Теоретики приходят к заключению, что и история искусства – это, собственно говоря, история его двух форм, фазисов, методов – классического и романтического в литературе (Шлегель), рассиновского и шекспировского в театре (Пушкин). Эти дуализм, биполярность поглотили в литературе все – героев (ангел – сатана), идеи (добро – зло), стиль (высокий – низкий), модальность (гармония – дисгармония), даже названия литературных произведений («Император и пролетарий», «Венера и Мадонна», «Ангел и Демон»)… Существуют два мира, две правды, две формы ценностей – таков девиз романтической аксиологии.¹

Все это общеизвестно. Казалось, возникала, как об этом пишет И. В. Карташова, «официальная ориентация романтизма, его устремленность к общечеловеческим ценностям».² Однако «абсолютную правомочность доброго начала» (Д. Л. Чавчанидзе)³ скоро сменили рассуждения «о конфликте свободы и необходимости» (М. К. Меньшикова),⁴ которые привели к возникновению идеи индивидуализма: искусство – это «свободное явление духа каждого человека, которое должно сообразоваться только с общностью рода творения, но не подчиняться ему безусловно» (Е. Г. Милюгина),⁵ чтобы наконец (как об этом писал Пушкин) заговорили о «нелепости романтических анахронизмов» (Д. Л. Чавчанидзе), чем был открыт путь к реализму.⁶

Реализм внес в художественную парадигму категорию среды (социальный и исторический детерминизм), чем усложнил воспроизведение и восприятие мира и человека. Он усложнил и проблему художественной онтологии, этики и эстетики, но (а в этом суть нашей проблемы) в области художественной аксиологии (науки о ценностях) и аксиологического мышления остался на позиции романтической (теперь реалистической) бинарности и анти-тетичности. Реалистические герои (Печорин и Грушницкий, Чичиков и «живые мерные души», Бельтов и Круциферский, Базаров и Кирсанов, Обломов и Штольц, Каренин и Вронский, Наполеон и Кутузов и т.д.) являются носителями и выразителями двух противоположных правд, двух форм добра и

К проблематике романтической аксиологии

зла, положительного и отрицательного начал жизни, искусства и литературы. Мировое искусство – это попытки раскрыть логику двух правд, литературные сюжеты – это комбинации их антитетических элементов. Бинарная модель мышления, романтическая антитетическая аксиология перешла позже в искусство и литературу XX и XXI столетий (положительный и отрицательный герои соцреализма, бинарная этика всех религий, всемогущие супермены и беспомощные земные и космические твари.

Возникает вопрос: откуда взялась эта всемогущая логическая бинарность, антитезисность, двоемирие, двухоценочная логика? В романтизме она стала инвариантной, концептуальной идеей, основой романтического мышления, творчества и его оценок, но история аксиологии показывает, что такое мышление существовало до романтизма и существует и после романтизма. Великие идеи – а к ним принадлежали и идеи романтизма, такие идеи вечны (вечен, например, донкихотство, байронизм, как об этом пишет А. Н. Штырова: «Байронический герой возник до Байрона».⁷) Истоки и корни бинарности упираются в природу, в мир животных, в котором живут две категории животных существ – сильные и слабые. Сильные пожирают слабых, слабые являются пищей для сильных. Таков закон и реальность мира природы... Жилец двух миров – природы и общества – человек – перенес эти законы природы (правда сильного и неправда слабого, правда «я» и «мы», а неправда «ты» и «вы») в человеческое общество, превратив их в универсальный закон человеческого мышления, человеческого Бытия и Жития. Этот закон действует от начала всех начал в природе и в обществе и будет, по всей вероятности, действовать до скончания веков, несмотря на то, что бинарность, бинарное мышление, двухоценочная логика Аристотеля и Канта не отражают онтологию Бытия.⁸ Настораживали антибинарные явления уже в эпоху мифологической и религиозной культур (единство трех божеств (почти) во всех религиях, трех братьев и сестер, трех дорог, трех вопросов (почти) во всех сказках всех культур). Человек жил в трехмерном мире, но его мышление и его аксиология оставались двухмерными, бинарными. «Да» или «нет» решали и решают судьбы людей, народов и всего человечества...

Правде двух правд противоречили, однако, многочисленные факты объективной и субъективной реальности, которые получили название парадокса. Парадоксальны, например, разные ситуации и идеи в творчестве Достоевского: деревенский мальчик стреляет в причастие (1), Достоевский утверждает, что русский народ – богоносец. (2). Но параллельно с этим Достоевский изображает реальность жизни русского народа, которая предоставляет собой нечто иное (3). Парадокс? Эпилепсия является «нечистой болезнью», но Достоевский и его герои, будучи эпилептиками, беседуют с Богом. Парадокс? Христос, как абсолютное добро, приходит к людям (в образе Мышкина), но не может никому помочь. Парадокс? Шигалев пропагандирует абсолютную

свободу, но он убежден в необходимости абсолютного рабства. Парадокс? Достоевский, как видим, восстал против лапласовского детерминизма и предлагает стохастическое, даже синергетическое правдоподобное соединение причин и следствия.⁹ Спустя четверть столетия великий физик Эйнштейн будет читать роман Достоевского «Братья Карамазовы», после чего напишет: «Достоевский мне дал больше, чем все мыслители вместе взятые, даже больше, чем Гаус». Что это значит? Какую «правду» находит ученый и художник?¹⁰

В романе Достоевского ученый нашел, например, рассказ Ивана Карамазова о том, как помещик дал сигнал, чтобы его любимые собаки растерзали мальчика на глазах его матери. Рациональный Иван спрашивает «святого мальчика» Алешу, который требует любить ближнего как себя самого, что сделать с помещиком. Алеша крикнет: «Застрелить!» Но, подумавши, он извиняется: «Простите, сдуру сказал...» Так что же? Застрелить или не застрелить помещика, если двухоценочная логика знает только «да» или «нет»? Реакцию Алеши нельзя объяснить ни с точки зрения двухоценочной логики, ни с точки зрения религиозной аксиологии. Не может ее объяснить своей кантовской логикой и Иван Карамазов, поэтому «возвращает билет в рай», в котором царит вечная гармония, если она построена на страдании детей, пусть даже на одной единственной детской слезинке.¹¹

Оказывается, что романтическая аксиология, основанная на бинарных оппозициях, которые в свое время были победой диалогизма над монолизмом, в эпоху научных открытий частиц микромира (энергетических следов в ядрах атомов, кварков, фракталов, генов, геномов, ДНК) и метаявлений Вселенной (черных дыр, космических галактик, цилиндрического пространства, теории относительности и т.д.) – романтическая бинарная аксиология становится тормозом, препятствием на пути развития человека и человечества. Все трагедии человеческого мира – грабежи, убийства, войны всех времен – лежат на совести двухоценочной логики. Две правды сражаются на улицах, например, Рима, Москвы и Багдада, в области Газы, на просторах Афганистана и т.д. Побеждает сила, а не правда... Таков путь двухоценочной логики. Если до XX столетия на совести бинарной правды, бинарной аксиологии и двухоценочной логики были трагедии части человечества, в XXI столетии, столетии ядерных, биологических и кто его знает еще каких энергий и оружий (ведь в лабораториях супердержав возникают постоянно новые, более мощные энергии), такая правда, такая аксиология и логика могут стать причиной истребления всего человечества и планеты Земля.

Полемизирует с ними и современное научное мышление – в микро- и мегамире, например, не действуют закономерности лапласовского детерминизма (причина – следствие), а закономерности синергетики (причина –,x“

К проблематике романтической аксиологии

следствий), евклидову геометрию (о двух параллельных линиях, которые никогда не пересекаются) сменила геометрия Лобачевского и Римана (две параллельные линии могут встретиться благодаря цилиндрическому пространству), свет – это не волна, а кванты, утверждает Планк. Теория относительности Эйнштейна отвергает существование единой правды. Сущность мира видится в единстве материи – энергии – духа, Бытие – это единство неорганического – органического миров – и антимира. Профессор Чиж удивлялся, как мог Достоевский описать явления человеческой психологии (эпилепсию, сомнамбулизм, шизофрению, галлюцинации, нарцисизм, садизм, мазохизм, паранойю, массовый психоз, бонапартизм и т.д.), если наука их еще научно не идентифицировала. М. Бахтин обнаружит у Достоевского полифонизм чувств, отношений, мышления, поступков, идей... Но на дворе XXI столетие, и по сей день стоят друг против друга две правды (бинарные оппозиции романтического мышления), готовые ликвидировать не только «неправду» другой правды, но и самое себя...¹²

Уже древние народы Востока говорили о конфликте двух правд: «У тебя правда, у меня правда, но существует еще правда». Трое братьев Карамазовых отстаивают свои правды (каждый из них прав), которые в конце романа оказываются неправдами... Романтика, романтичность, порывы романтических героев к Абсолютному, Универсальному останутся в человеке и человечестве как золотой фонд (наследство) и как путь к недостижимой звезде в меagalактику,¹³ на которой (одной из них) побывал герой повести Достоевского «Сон смешного человека». Но двухоценочная логика мышления становится в наш век опасностью, препятствием на пути человека к человечеству – не только к человечеству как антропоцентрическому, но и как психо-духовному единству. Человек, как творец и герой человеческой природы (культуры и цивилизации), должен расстаться с логикой первой природы, в которой существуют две правды (правда слабого и сильного) и создать логику второй природы, которая бы гарантировала не только антропологический, но и сверхантропологический (духовный, планетарный, космический) смысл человека и человечества.

У Достоевского парадоксы, полифоничность, засилие триад и тройственности (в «Братьях Карамазовых» слово *'три'* и его дериваты повторяется, по подсчетам моей дипломницы, 495 раз) сигнализирует о наличии иной – не двухоценочной, а **трехоценочной логики** мышления. С точки зрения аристотелевской психологии и кантовской логики (суждения бывают правдивыми или ложными) эстетические парадоксы Достоевского понять нельзя. Реакция Алеши Карамазова, как мы видели, с точки зрения двухоценочной логики не является ни правильной (1), ни ложной (2), она иная (3). Амбивалентность конфликтов, персонажей и стиля (типа «ненавидящая любовь») не равна сумме их оппозиций (1+1), но имеет свою особенную логику (3). Научное и ху-

дожественное мышление XX и XXI веков проникли глубоко в сущность Бытия, в результате чего возникла **новая онтология** (онтология научных и художественных парадоксов, относительности времени и пространства, генетической инженерии, виртуальной реальности, киборгизации и т.д.), которая обуславливает и требует создания новой гносеологии. Возникает проблема нового концептуального мышления, гармонии нового комплексного типа (единство конечного – бесконечного, делимого – неделимого, прерывного – непрерывного, свободы – кавзальности), т.е. гармонии нового неевклидова, некантовского типа.

Свыше сто лет тому назад на этой платформе встретились создатели «художественной и научной теории относительности» – Достоевский и Эйнштейн. Полифонизм Достоевского антиципировал создание трех- и многооценочной логики, которую в XX веке открыл Лукасьевич. Человеческое мышление уже в плоскости элементарных суждений имеет не только две возможности (1,2), но и иную возможность (3). Первые компьютеры создавались на базе двухоценочной логики (они отвечали 'да' или 'нет'), сегодняшние сложные кибернетические машины (киборги) возникают уже на базе трех- и многооценочной логики. Они способны мыслить и создавать ценности на базе новой онтологии и новой гносеологии.

Аксиология (наука о ценностях) является продуктом гносеологии (познания). «Оценка обусловлена познанием, – а познание ориентировано оценкой» - утверждает теоретик аксиологии.¹⁴ Из характера связей между субъектом, объектом и нормой оценки рождаются ценности. Не будем вдаваться ни в проблему конкретных ценностей (индивидуальных, коллективных, философских, социальных и т.д.), ни в ценности литературные (созерцательное и рациональное, индивидуальное и сверхличностное, выплывающее из формы или содержания, идеи или метода и т.д.), потому что нас интересуют ценности как продукт познания, логики, мышления. Как отнестись к продуктам двухоценочной логики, бинарных оппозиций, которые возникли в прошлом и которые будут возникать в будущем, если научные открытия в области микро- и мегамира сигнализируют о возникновении трехоценочной логики, синергетики и научного полифонизма?¹⁵

Напрашивается несколько способов решения сложившейся ситуации:

а) Е. И. Милютин придерживается того мнения, что уже намечен путь, как «преодолеть традиционную ограниченность толкования дуализма и уяснить его роль в качестве всеобщего «универсального средства познания мира», оперирующего системой бинарных оппозиций». Она уверена, что в бинарную модель можно перетрансформировать существующие триады (мир – человек – Бог, жизнь – смерть – бессмертие), потому что и орган мышления – мозг – дуалистичен (имеет два полушария). Заметим лишь, что современная неврология говорит сегодня о трех центрах мозга – о правом и левом

К проблематике романтической аксиологии

полушарии, между которыми находится маленький мозг, мозжечок. Будущее покажет, насколько продуктивен этот путь...

б) сторонники теории относительности (с идеей множества систем отсчета, трех- и многооценочной логики, виртуальной реальности, цилиндрического пространства и т. д.) уверены, что научное мышление будущего будет иным, чем аристотелевско-кантовская модель мышления. Будущее человечества не на нашей планете, утверждает английский ученый Гавкинг, а в Космосе. Путь к нему лежит через эрозию и мутацию традиционных форм человека (в том числе и его мышления). И здесь будущее покажет, насколько реален (а не фантастичен) этот путь ...

в) история человека и человечества свидетельствует об их эволюции, но о трансформации и мутации человека как представителя рода гоминидов (*homo sapiens*) вряд ли можно говорить. Законы континуальности сильнее законов деконтинуальности. Если континуальность кончена, наступает конец феноменов бытия... Принципиально новая ситуация человечества в XXI столетии (угрозы – демографическая, экологическая, ядерная, террористическая, империалистическая) заставят нашу цивилизацию создать новое, общепланетарное мышление, новую общечеловеческую аксиологию... И здесь будущее покажет, насколько наши опасения и надежды реальны.

Во всяком случае, двухоценочная логика и бинарная романтическая психология нуждаются в переоценке – на смену им напрашивается новое мышление, базирующееся на многооценочной логике и выплывающей из нее новой аксиологии, более адекватной онтологии Бытия и современной ситуации человека и человечества, искусства и литературы.

Примечания:

1. Европейский романтизм. «Наука», Москва 1973.
2. Карташова, И. В.: Романтизм и его исторические судьбы. Русский романтизм в диалоге культур. Наука Тверского края, филология. Вып.1, Тверь 1994, с.74.
3. Чавчанидзе, Д. Л.: Грильпарцер и Пушкин: полемика с эпохой во имя искусства. См. Мир романтизма, т.11 (35), Тверь 2006, с. 93.
4. См. Европейский романтизм.
5. Милюгина, Е.Г.: Своеобразие романтического дуализма. Романтизм: грани и судьбы. часть I, Тверь 1998, с. 24.
6. Чавчанидзе, Д. Л.: Грильпарцер и Пушкин: полемика с эпохой во имя искусства. См. Мир романтизма, т. 11 (35), Тверь 2006, с. 93.
7. Штырова, А. Н.: «Разочарованное поколение: Истоки и итоги (к проблеме творческих связей Лермонтова с Шатобрианом и Нодье). См. Мир романтизма, т. 11 (35), Тверь 2006, с. 180.
8. Červeňák, A., Vladár, J., Zrubec, L.: *Metamorfózy človeka*. Nitra 2006.

9. Смотри работы специалистов по Достоевскому, начиная от революционных демократов, формалистов, советских и зарубежных ученых.
10. Червеняк, А.: Эйнштейн и Достоевский. Сб. Ренесанс. Киев 2005, с. 133.
11. Červeňák, A.: Človek v literatúre. Bratislava 1986, 250 s; Dostojevského sny. Pezinok 1999, 250 s.
12. Там же.
13. Muránska, N.: Román M. Bulgakova Majster a Margaréta. Nitra 2005, 179 s.
14. Tondl, L.: Hodnocení a hodnoty. Praha 1999.
15. Смотри пять сборников «Slovanský romantizmus» - Банска Быстрица, Словакия 1999 – 2005 и работы видного чехословацкого и чешского литературоведа Иво Поспишила (например, монографии Rozpětí žánru. Brno 1992; Ruská románová kronika. Brno 1983; Žánrové metamorfózy v středoevropském kontextu. Brno 2003. Последняя работа написана в соавторстве с Либором Павером).